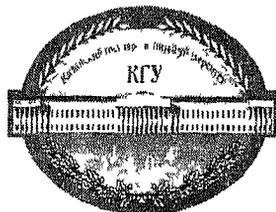

*К 250-летию Московского
государственного университета
им. М.В. Ломоносова*

*К 200-летию Казанского
государственного университета
им. В.И. Ульянова-Ленина*

Межкультурная коммуникация Типология языков Теория перевода

Материалы II международной
научной конференции

20-22 мая 2004 года

Москва-Казань 2004

Межкультурная коммуникация. Типология языков. Теория перевода. Материалы II международной научной конференции: Москва - Казань: МГУ – КГУ. 2004.

В сборник включены материалы II Международной научной конференции, которые отражают широкий спектр теоретических и прикладных исследований в области межкультурной коммуникации, типологии языков и теории перевода.

Сборник представляет интерес для филологов, преподавателей иностранных языков, специалистов в области межкультурной коммуникации, переводчиков, а также студентов и аспирантов филологических специальностей.

Сборник печатается по материалам, предоставленным авторами на дискетах. Тексты публикуются в авторском варианте

Редакционная коллегия:

Л.К. Байрамова, Н.К. Гарбовский, О.И. Костикова, Э.Х. Хабибулина

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕКСТ МЕЖДУ РЕАЛЬНЫМ И ВООБРАЖАЕМЫМ

Вопрос, который ставится в данном сообщении, касается того, как во французском тексте осуществляется взаимодействие между реальным и воображаемым, или между внешней реальностью и внутренней реальностью, в которой отражаются процессы познания, что, очевидно, не происходит зеркально. Для любого субъекта существование этих двух реальностей – внешнего по отношению к человеку мира, состоящего из дискретных (отдельных) объектов, которые входят в пространственный или событийный ряд (*пустыня Сахара, жилой дом, семья Тибо, битва при Трафальгаре*), и внутреннего, символического мира как реальности образов, обобщений, суждений, эмоциональных субстратов – интериоризировано. Внутренняя реальность континуальна, ее единицы перетекают одна в другую. Они ассоциативно соединены между собой посредством пережитого, именуемого опытом. Там время существует не линейно, но концентрически. Можно утверждать, что реально существующим для человека является его собственный мир, ведь со смертью человека этот мир уходит, его нет. Тогда вопрос состоит в том, чтобы определить, как человек использует внешний мир для проживания в своем мире. И в этих отношениях язык играет основную роль.

Однако мы не хотели бы отрывать эти две реальности и их противопоставлять. Будем рассматривать их как одно целое. Иногда человеку трудно сказать, было ли событие в реальности или в воображении. Рассмотрим, какое место занимают внешняя и внутренняя реальность по отношению друг к другу? Вбирает ли воображение в себя реальность? Уходит ли оно от реальности и порождает новые миры? Или они существуют по отдельности, сохраняя свое своеобразие и перекликаясь?

Изучение этого взаимодействия проводилось нами на материале французских текстов, где мы анализировали номинативные единицы плана воображаемой реальности (мысли, суждения, чувства, отношение) в их соотношении с объективной реальностью, т.е. предметным миром. Возьмем, к примеру, текст рекламы «*Chez Botanic c'est Noël comme partout, mais pas comme ailleurs. Heillecourt à côté du Décathlon*». Выражение *comme partout* как суждение говорит, что Botanic не выделяется ничем среди других мест, где собираются праздновать рождество. Во внешней

реальности оно обозначает пространство, что перекликается со словом ailleurs (другое место). Это слово в совокупности со словом «здесь» формирует знание о пространстве «partout», однако, противопоставляясь в следующем за ним суждением Chez Botanic c'est Noël ... pas comme ailleurs, из указанного выше знания формируется суждение: Botanic предлагает подарки в пространстве – далее дается адрес, – и там находится что-то особенное. Таким образом, развитие суждения происходит с опорой на реальный мир и знания о нем.

Анализ французских текстов показывает, что воображаемый мир, возникающий при восприятии содержания текста, всегда опирается на реальную ситуацию, никогда не отрываясь от нее. В тексте песни Жоржа Брассенса «Сначала друзья» (Les copains d'abord) обыгрывается образ корабля как корабля жизни (Fluctuat nec mergitur – *Плывет и не тонет*), на котором команда – это друзья. В тексте даются образы, опирающиеся на предметный мир: *плот медузы, передвигаться по воде, плавать в большой луже для уток, матросы и капитан, Кастор и Поллюкс, Монтевь, Бозси, бить себя по животу, читать Евангелие, распустить все паруса, Жан, Поль, Пьер, исполнять Верую и Исповедую, битва при Трафальгаре, стоять на вахте, указывать направление на север, подавать руками сигнал «Спасите наши души» (S.O.S.), умереть, бросить в воду, плавать на пароходе, держаться на воде (не тонуть), тонуть, название корабля «Сначала друзья».*

Они же несут параллельное смысловое содержание: это не *плот медузы*, связавший случайных людей; *передвигаться по воде* понимается как *следовать воле*; есть свои *матросы и капитан* среди друзей, как и бывает в жизни, кто-то берет на себя функции капитана, остальные его матросы; Кастор и Поллюкс как *символ верности в дружбе*; *жизненные испытания* проверили их дружбу, а не род занятий (чтение философов или поэтов); они бьют себя по животу, т.е. *ведут себя бесцеремонно*; не читая Евангелие, они не следуют всем его заповедям, *они живые люди*; они *распускают все паруса и в любви*; Их Верую и Исповедую относится к живым людям – *друзьям*; битва при Трафальгаре как драматичный эпизод из морской жизни, навигации по морю наполняется смыслом *несчастья* с кем-либо; *приходят на помощь* друзья – встает на вахту дружба; направление на север как *правильное направление* также указывает дружба: это выражение ассоциируется с другим «потерять север, т.е. запутаться»; Rèr' Rénard – название корабля и образ беззаботного человека, который *живет и в ус себе не дует* и т.п.

Предметный план для данного текста – это план реальной ситуации, и к ней возвращается фигуральное переосмысление, т.е.

воображение. Это своего рода апсгаге – место, вокруг которого организуются смыслы, через отсылки к элементам данной ситуации:

внешняя реальность ↔ *внутренняя реальность*.

В другом тексте Ж.Брассенса «Завещание» предметный план – это ситуация смерти. Ее участники: *говорящий, господь-бог, в руках которого жизнь и смерть человека, плакучая ива, которую сажают на могилу, гробовщики*. События в данной ситуации: *получить известие от бога, устроить траур, срубить дуб или ель на гроб, отправиться на кладбище, вырыть могилу, уйти из жизни, встретиться с душами умерших*. Переживания: *грустить, недовольство гробовщиков*. Здесь предметный план весьма населен. Текст начинается с упоминания всегда грустной ивы и главного события – предписания господя-бога пойти наверх посмотреть, есть ли он, т.е. господь-бог, там: в опыте это понимается как *умереть*. Для следующего события *провести траур как ритуал на небе и на земле* поэт задает вопрос «Растет ли еще дуб и ель для моего гроба?», понимаемый как подготовить необходимый предмет для ритуала, позаботиться о гробе. Но здесь понимается и надежда на то, что умирать еще рано, если они еще не срублены. Относительно следующего по плану события *отправиться на кладбище* клиент принял решение пойти туда дальней дорогой, т.е. *не торопиться*, может даже *прогулять это событие*, как школьники прогуливают уроки. Автор не торопится умереть. Наконец, способ уйти из жизни – *пятившись, как рак, т.е. отползая и не глядя, куда ползешь. Уйти в другой мир дорогой школьником, т.е. дорогой, когда не спешишь*. Переживания гробовщиков и их суждения о покойнике его самого не трогают. Событие смерти соплагается с событием *пойти поболтать, вешать ленту на уши* тем, кто уже находится в аду. Человек, который уже приготовился к смерти, кому господь-бог дал предписание, живет ожиданием любовной встречи, интрижки с женским полом, любовного приключения, влюбленности, когда ждешь встречи с предметом обожания, обрывая лепестки хризантемы, которая тоже ромашка, но для мертвых. У мертвых та же жизнь, что и у живых. И они переживают так же. Вдова похоронит его, будет переживать за него и плакать настоящими слезами: ей для этого *лук* не понадобится. Покойник озабочен тем, чтобы она вышла замуж во второй раз. При этом чтобы ее новый муж был бы такого же роста, чтобы мог носить и сапоги и домашние тапочки и одежду покойника. И он за то, чтобы новый муж пил его вино и любил его жену, курил его трубку и пользовался его табаком. Однако он запрещает бить своих кошек, иначе придет дух и его накажет. Но бить кошек на самом деле – это и *заниматься его*

делами. Меня не заменить. На этом заканчивается завещание. На двери висит объявление «Закрыто по случаю похорон». В заключение сообщается, что я покинул жизнь без зла и что у меня больше не будут болеть зубы. Зубы не будут болеть, поскольку герой умер. Но они не будут болеть и потому, что у меня ни на кого нет зуба. Я в могиле, могиле для всех, во всеобщей могиле времени. От внешней реальности могила и общая могила к внутренней реальности все там будем, ничего исключительного в смерти нет.

Благодаря постоянным челночным перемещениям от внешней реальности к внутренней и от внутренней к внешней, смысловой мир французского высказывания весьма опредмечен. *Il est dans sa chemise! La tête lui sort.* (Я ему не сторож: он уже большой, соображает) – Он в рубашке (не в пеленках), т.е. большой (взрослый). У него голова на плечах, выходит из рубашки. Он ею пользуется, думает, решает. По пресуппозициям тот, кто одевает рубашку и имеет свою голову, распоряжается ею сам.

Je vais en parler a mon cheval. (Cause toujours, за m'intéresse).
– Я буду говорить со своей лошастью. Но с лошастью не говорят о том, что нужно делать, о делах. Говорят о своих переживаниях. Это дело не стоит того, чтобы о нем говорили. Это ерунда.

Возможность кажущего слиянным существования предметного и фигурального понимания номинативных единиц позволяет спрятаться от ответа, как это видно по эпизоду из одного фильмов про Мэгре, где он обращается к водолазу, которого раньше знал: *Pourquoi tu es devenu scaphandrier ? – Je suis tombé dans l'eau et je n'en suis plus ressorti. – Tu me chambres ?* Водолаз не хочет сказать правду комиссару, но и не может отмолчаться.

Как взаимодействует план реального и план фигурального и каким образом это взаимодействие выражается, можно показать на примере маленькой заметки из «Канар аншене». Она озаглавлена «*Vite dit*».

«EXCLUSIVITE mondiale. Poutine reçoit "Match". Un entretien avec Marek Halter », titre «Match» (13/7) en couverture. C'est trop de restrictions. A la lecture, on s'aperçoit qu'il s'agit en réalité du tête-à-tête de deux puissances. Halter : « Il a existé des idéologies laïques, des religions sans dieu, si vous voulez.. J'ai d'ailleurs parlé de cela au pape. » Poutine : «J'ai rencontré Jean-Paul II il n'y a pas très longtemps. » Et il ne lui a pas parlé d'Halter ?

La conclusion est du même tonneau (de vodka). A l'heure de la séparation, Halter : *"Je n'aurais jamais cherché à être président, dis-je brusquement. Je ne l'ai pas cherché non plus", me répond Vladimir Poutine en souriant. »*

Poutine tsar de hasard, c'est d'un crédible !

En tout cas, quand on se fait interviewer par Marek, on reçoit tout à la fois son Halter et son ego.»

У выражения vite dit есть предметный план (*сказать быстро, сразу, как стало возможно, после реплики собеседника*) и план интерпретации, т.е. фигуральный (*проявить находчивость или сказать не подумав, как не очень знающий/умный человек, как о том говорит народная мудрость Vite et bien se rencontrent rarement*). Что в дальнейшем подтвердится? А в самой статье говорится о том, что Путин принимает журналиста из «Пари Матча» Марека Альтера. Указана дата, фразы, которыми они обменялись, и из них возникает образ журналиста-сверх-человека, который запросто беседует с папой римским, не стремится в президенты, и одновременно более чем скромного Путина-президента. Следует вывод: ничего удивительного в том, что Путин оказался в интервью таким скромным, поскольку принимал одновременно Альтера и его Эго (Halter – фамилия журналиста и выражение alter ego). Двойственность восприятия, как предметного и фигурального, обеспечивается как за счет выражений, которые одновременно присутствуют в своем прямом и переносном значении, так и возникающих на стыке омофонии: Halter и alter.

Является ли взаимодействие внешней и внутренней реальностей естественным? Безусловно, да. Внешний мир служит опорой для внутреннего. Как показано в работе французского психоаналитика Ф.Дольто «Бессознательный образ тела», где представлена теория телесности речи, в ходе развития ребенка происходит перевод внешних действий в символическое, т.е. смысловое поле. Некоторые из них рассматриваются ею как символические кастрации, имеющие принципиальное значение для очеловечивания ребенка, т.е. его становления как человека.

Присущ ли выявленный способ любой речевой среде в процессе познания? Как было показано для французской речи, доминирует опора на внешнюю реальность и отсылки к ней. Однако для русской речевой среды это взаимодействие складывается опосредованно через мир переживаний или мир оценок. Для русского человека реальный мир – это мир его переживаний. Маша Мериль, французская писательница русского происхождения, говорит о том, что русский живет в выдуманном им мире, который театрален. Это мир суждений, оценок и переживаний. Суждения – мои мысли. Оценки: хорошо-плохо, правильно-неправильно (сравнение с образцом). Образец существует в моих представлениях, но не вовне. Из переживаний значимы переживания грусти, тоски, страдания, но не радости, веселости. Исследования показывают, что в русском дискурсе взаимодействие осуществляется между планом

переживаний и планом суждений/оценок, но это не является предметом данного обсуждения. Тем не менее, если дать обобщенно концепт деятельности, то для француза он предстанет как *Вот что мы делаем*, для русского *Как хорошо/плохо мы это делаем!*

Таким образом, во взаимодействии внешней и внутренней реальностей при номинации опора на внешнюю реальность широко представлена во французской речи. Более того, имеет место постоянное «оживление» внешней реальности, которая подпитывает работу воображения. Можно говорить о смысловой двуплановости речевых единиц. Она состоит в том, что прямое значение и фигуральное присутствуют в представлениях воспринимающего субъекта одновременно. Воображение не отменяет внешнего мира, но опирается на него и в любой момент может перейти в реальность. Двойственность восприятия играет на двойственности реального и символического, где символическое есть переработанное речевым субъектом. Понимание такого феномена, свойственного французскому тексту, помогает лучше разбираться в смысловом содержании – через их опредмечивание – кажущихся слишком общими выражений (ср. *sensibilisations interculturelles*, *découverte culturelle*, *dimension culturelle* и др.) и отвечать требованию ясности французской речи.

Н.К. Гарбовский (Москва, МГУ)

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОНОМАСТИКА И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Французский исследователь проблем перевода Мишель Балляр, начиная книгу, посвященную переводу имен собственных, приводит высказывания Джорджа Эдуарда Мура и Джона Роджерса Сёрла, подтверждающие известное в лингвистической теории перевода положение о том, что имена собственные не представляют собой сколько-нибудь серьезную переводческую проблему, ни в теоретическом, ни в практическом плане. В самом деле, Мур утверждал, что все имена собственные, какими бы произносимыми они ни оказывались в языке перевода, должны непременно сохраняться. Сёрл же полагал, что имена собственные используются для референции, но не для описания; они ничего не сообщают о предмете и, следовательно, лишены значения¹.

¹ См.: Ballard M. Le nom propre en traduction. Paris, 2001. P. 11.